

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА
по четырем текстам, связанным с деятельностью последователей
движения Фалунь Дафа (Фалуныгун)

«31» марта 2009 года

г. Краснодар

Мне, Факторовичу Александру Львовичу, доктору филологических наук, профессору кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета

[REDACTED], предложено выполнить филологическое заключение по текстам: Ли Хунчжи. Чжуань Фалунь. М.: ИД «Камерон», 2006. 304 с.; Мэйтас Д., Килгур Д. Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуныгун в Китае. СПб.: Типографский комплекс «Девиз», 2007. 84 с.; Фалунь Дафа в мире (информационный листок); Всемирная эстафета факела в защиту прав человека (информационный листок). Далее тексты указываются под условными номерами - соответственно 1, 2, 3 и 4.

Я, Факторович Александр Львович, ознакомлен, понимаю смысл содержания ст. 307 УК РФ, предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Факторович Александр Львович

1. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Заключение выполнено с опорой на систему совместимых взаимодополняющих источников, согласно требованиям действующей инструктивной «Памятки по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов». (М.: Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, 2004 / Под ред. проф. М.В.Горбаневского). См. **перечень основных использованных источников** (в тексте заключения ссылки на них даются сокращенно, с указанием номера страницы):

Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. М.; Краснодар: Академия педагогических и социальных наук; КубГУ, 2003. 338 с.

Агрессия в языке и речи. М.: РГГУ, Институт лингвистики, 2004.

Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: РАН, 2002 (ОСФ).

Баматгиреева М.В. Толковый алфавитно-гнездовой терминологический словарь системного комплекса наук об этносе. Краснодар: КубГУ, 2008. (ТСЭ)

Большой толковый словарь русского языка. СПб.: РАН, 2004. 1536 с. / Под ред. С.А. Кузнецова (БТС)

- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 1456 с. (БЭС)
- Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 1998. 790 с. / Под ред. В.Д.Зорькина и др. (БЮС)
- Бусленко Н.И. Правовые основы журналистики: Словарь-справочник. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 253 с. (ПОЖ)
- Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
- Голованов Д.А. Внесудебное урегулирование конфликтов с участием СМИ // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. 2008. № 3. С.48-64.
- Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. М.: РАН; ЭКСМО, 2007. 608 с. (СС)
- Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988. 440 с.
- Кожевникова Г. Г. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее. Мониторинг прессы: сентябрь 2003 - март 2004 г. М.: Фонд защиты гласности, 2004.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: Учебник. М.: Наука; Флинта, 2008. 464 с. (СУ)
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 320 с.
- Моисеенко Л.А. Концептуальные системы автора и читателя // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д: ДЮИ, 2007. С.37-40.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Слово, 2008. 844 с. (СО)
- Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов. М.: Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, 2004 / Под ред. М.В.Горбаневского. (Памятка)
- Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Словарь-справочник. М.: Русский язык, 1984. 328 с. (Розенталь)
- Русская грамматика. Т.2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 712 с.
- Русский ассоциативный словарь. Тт.1-2. М.: РАН, 2002. (РАС)
- Садохин А.П. Этнология: Учебный словарь. М., 2002. (ЭУС)
- Словарь русской лингвистической терминологии. Майкоп: АГУ; «Качество», 2004. 347 с. (СРТ)
- Современный русский литературный язык: Учебник М.: Гардарики, 2003. 780 с. / Под ред. акад. В.Г.Костомарова и проф. В.И.Максимова.
- Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М.: АСТ; АСТРЕЛЬ, 2004. 749 с. (ТСЯ)
- Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. М.: Фонд защиты гласности, 2005.
- Тематический словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 560 с. / Под ред. В.В.Морковкина. (ТС)
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: РАН, 1998 / Под ред. Г.Н. Складневской. (ЯИ)
- Томьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека: право и практика. М.: МГУ, 1998.

Топоров В. Н. Образ "соседа" в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. М.: Наука, 1990. Вып. 2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 в редакции Федерального закона «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.07.2006 № 148-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

Цена чести. Справочник по законодательству о диффамации и правоприменительной практике в России. Воронеж: Центрально-Черноземный Центр Защиты Прав Человека, 2002.

Щербинина Ю. Методы диагностики речевой агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2001. №3. С. 39-55.

Я и Другой в пространстве текста. Пермь: ПГУ, 2007. 258 с. Отв. ред. В.А.Салимовский.

2. ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.0. Содержание настоящего исследования определяется системой восьми вопросов, сгруппированных в два блока и далее соответственно нумеруемых:

2.1. «Призывают ли (обосновывают или оправдывают) представленные информационные материалы к:

2.1.1 – насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации;

2.1.2 – публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности;

2.1.3 – возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

2.1.4 – пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

2.1.5 – воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, обще-

ственных или религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо угрозой его применения;

2.1.6 – пропаганде или публичному демонстрированию нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения?

2.2. Направлены ли информационные материалы на

2.2.1 – разоблачение преступлений, направленных на массовое уничтожение последователей Фалуньгун в Китае;

2.2.2 – прекращение этих преступлений мирными, ненасильственными средствами?»

(Помимо вышеуказанных, для заключения был также предложен следующий вопрос: «Призывают ли представленные информационные материалы к нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии?». Характеристика данного вопроса не подлежит филологическому исследованию).

Раскрытие вопросов предполагает использование опорных понятий, закрепленных словесными единицами /номинациями/, в том числе: «**Высказывание** - единица сообщения, обладающая смысловой целостностью» (СРТ, 51, аналогичное понимание – в других источниках, включая школьные учебники, справочники, инструктивные материалы для лингвистов-экспертов); **возбуждение** – действие по глаголу **ВОЗБУДИТЬ** – «Вызвать, пробудить какое-л. чувство или состояние» (БТС, 142); «**РОЗНЬ**. Вражда, распря / О различии, разнице между кем-, чем-л.» (БТС, 1127); **призывать** – форма несовершенного вида к глаголу «**ПРИЗВАТЬ**. ... Предложить, приказать вести себя так или иначе» (БТС, 977).

2.1.1.В первом блоке вопросов для ответа о том, призывают ли представленные информационные материалы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, необходим компонентный анализ, то есть «представление содержания

слова... в виде комбинаций элементарных смысловых компонентов – сем» (СРТ, 126). Семы фиксируются в соответствующих специальных источниках, например, в «Русском семантическом словаре», а также определяются по толкованиям слов в нормативном словаре, в частности БТС.

Ключевыми в поставленном вопросе являются такие слова и сочетания: конституционный строй Российской Федерации, целостность Российской Федерации, изменение конституционного строя, насильственное изменение, призывать («призывают ли...»). Ни одно из этих слов и сочетаний не представлено ни в одном из исследуемых текстов.

Толкование слов первого словосочетания включает такие смысловые компоненты, как законность, порядок и др. Ни один из этих компонентов также не использован в текстах как смысловых целых. То же касается остальных приведенных единиц. То есть содержательная сторона исследуемых текстов никак не соотносится со смыслами слов, представленных в данном вопросе. Следовательно, на него, по определению и в силу компонентного состава единиц, дается отрицательный ответ: представленные информационные материалы не призывают к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации.

2.1.2. Для ответа на вопрос о том, призывают ли представленные информационные материалы к публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности, также необходим компонентный анализ. При этом исследование носит интегративно-дифференцирующий характер. Общая, интегративная сторона связана с ключевым для вопроса понятием **терроризм**, то есть «политика и тактика террора. ... **ТЕРРОР**. Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения...» (БТС, 1320; в специальных источниках приводятся определения, подобные процитированному, которое дано по актуальному нормативному толковому словарю). Дифференцированный характер ответа заключается в том, что в одном исследо-

ванном тексте (3 – «Фалунь Дафа в мире») вообще нет упоминаний о борьбе с политическими и т.п. противниками. В трех прочих текстах (1, 2 и 4) острые формы борьбы с такими противниками упоминаются, но притом неизменно осуждаются.

Таким образом, ни один из четырех исследованных текстов не призывает к публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности.

2.1.3. Для ответа на вопрос о том, призывают ли представленные информационные материалы к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни, необходимо уточнить содержательную и функциональную характеристику четырех текстов.

Ни в одном из них вообще нет характеристики личностей, обстоятельств, событий в социальном, расовом и национальном планах. Ни в одном тексте нет также призывов к возбуждению розни, т.е. вражды к кому-либо. Смысловая доминанта текстов относится к другим содержательным /тематическим/ областям. В тексте 1 это сфера нравственности и оздоровления. Смысловая доминанта текста 3 связана с историей символов. В текстах 2 и 4 смысловая доминанта относится к антикриминальной сфере, т.е. к борьбе с преступлениями. Сфера религии в текстах характеризуется только в обобщающем, научно-аналитическом плане, притом смысловыми доминантами являются не религиоведческие, а культурологические, например: «Фалуньгун содержит элементы конфуцианства, буддизма и даосизма» (2, с.24).

Соответственно, возбуждение розни по четырем указанным в вопросе признакам в текстах филологически не установлено.

2.1.4. Для ответа на вопрос о том, призывают ли представленные информационные материалы к пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к

религии, необходимо соотнести содержание текстов со смысловыми комплексами пяти соответствующих сфер.

Ни в одном из четырех исследуемых текстов нет показателей этих пяти смысловых областей. В текстах вообще не используются личностные наименования этнического, расового, социального, классового, языкового характера (т.е. слов типа *китаец, буддист, пролетарий* и т.п.). Не применяются и другие способы языкового представления данных аспектов личности. Следовательно, в них не может и характеризоваться ни неполноценность, ни исключительность, ни превосходство человека в этих аспектах. Более того, во избежание домыслов, искаженного восприятия в отношении религии в двух текстах специально подчеркивается, что сопоставление, дифференциация людей связаны с другими сферами: нравственной, оздоровительной, например: «Фалуныгун не содержит никаких признаков культа» (2, с.23. То же – в ряде фрагментов текста 1). В связи с самосовершенствованием в этих текстах представлены предостережения против чувства превосходства, например: «Я сказал вам об этом для того, чтобы вы, ни в коем случае, не приняли таких людей за каких-то необыкновенных Просветленных...» (1, 209).

Таким образом, призыв к пропаганде превосходства в религиозной и четырех других указанных сферах не устанавливается в рассматриваемых текстах по двум причинам: это свойство вообще характеризуется отрицательно; а характеристика личности в плане пяти указанных сфер в текстах отсутствует. То же касается свойств исключительности и неполноценности.

2.1.5. Для ответа на вопрос о том, призывают ли представленные информационные материалы к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных или религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо угрозой его применения, необходимым и достаточным является компонентный анализ (как и по двум первым вопросам настоящего заключения, с.5-6).

Вопрос нацеливает на поиск определенного смыслового комплекса: наличия призыва к воспрепятствованию законной деятельности (различных органов и т.п.), соединенному с насилием или угрозой его применения, - или отсутствие такого призыва. В трех текстах (2, 3) вообще отсутствуют призывы, как явные, так и неявные /имплицитные/. Правда, в тексте (2) используется близкая к призыву функциональная единица - «Рекомендации», обращенные в том числе к государственным органам /с.45-47/. Рекомендательный характер содержания ряда высказываний (например, п.20 на с.47: «Правительственные, неправительственные и межправительственные правозащитные организации должны обратить серьезное внимание на обвинения, представленные в данном Отчете, и сделать собственные выводы...») полностью исключает какие бы то ни было ассоциации с насилием. Это подтверждается данными нормативных ассоциативных словарей.

В тексте (1) есть неявные призывы, но они, во-первых, обращены лишь к отдельным людям, а во-вторых, также лишены каких бы то ни было ассоциаций с насилием.

В тексте (4) усматриваем призывы (от имени Коалиции по расследованию преследований Фалуньгун) в трех пунктах требований, обращенных «к высшему руководству коммунистического Китая». Они также лишены ассоциаций с насилием, содержание этих призывов носит подчеркнуто мирный характер; таково использование инфинитива /неопределенной формы глагола/ в побудительном грамматическом значении и отнесенностью к переговорному процессу: «3.Провести переговоры с представителями Коалиции...».

Таким образом, характеристика всех четырех текстов приводит к отрицательному ответу на поставленный вопрос: они не содержат призывов к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных или религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо угрозой его применения.

2.1.6. На вопрос о пропаганде или публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, необходимо ответить дифференцированно.

2.1.6.1. В трех предложенных для анализа текстах (1, 2, 4) нет никаких смысловых элементов, соотносимых с содержанием поставленного вопроса.

2.1.6.2. В одном же тексте, информационном листке «Фалунь Дафа в мире» (3), дается следующая характеристика: «Знаком «древнейшей системы совершенствования Фалунь Дафа является ФАЛУНЬ (в переводе с китайского Колесо Закона)». Этот текст (3) подлежит анализу в связи с вопросом о нацистской атрибутике, поскольку включает слово «свастика» и соответствующий изобразительный элемент.

Анализируемый информационный листок (3) содержит три основных раздела, два из которых носят комплексный – тексто-изобразительный – характер. Первый раздел условно определяется как вводный; он включает 10 высказываний (в том числе одну вставную конструкцию в скобках), организованных в 5 абзацев. Текстовый материал взаимосвязан с четырьмя изобразительными блоками. Его открывает следующий смысловой зачин с подзаголовком «Эмблема Фалунь»: «Свастика на эмблеме Фалуньгун не имеет никакого отношения к нацистской символике. Свастика является традиционным буддийским символом».

Второй раздел, основной (озаглавленный «Свастика: ее происхождение и место в христианской традиции»), состоит из 29 высказываний, объединенных в 9 абзацев. Причем текстовый материал также взаимосвязан с изобразительными элементами, а именно с семью изображениями.

Третий, замыкающий раздел, озаглавленный как «Отступление», включает 4 высказывания, структурированные в 3 абзаца. Этот заключительный раздел не содержит изобразительных элементов.

По стилю анализируемый материал определяется как публицистический, при этом он сочетает признаки установок на воздействие и на информирование. Второй установке сопутствуют элементы научности. Им способствуют многочисленные ссылки на исторические, культурологические, религиозные источники. В то же время ссылки, в смысловом отношении представляющие научную информацию, оформлены преимущественно в соответствии с требованиями публицистического стиля («Все знают, что Вещий Олег прибил свой щит на врата Царьграда...»). Такое сочетание типично для представления информации, направленного на широкую аудиторию.

Для ответа на вопрос, связанный с понятием свастики, следует учитывать, что соответствующее слово и символ многозначны; причем, по данным научных источников и практике использования, два смысла этой единицы значительно отдалены друг от друга по системе трех основных признаков: /а/сфере употребления, /б/условиям проявления, /в/эмоционально-экспрессивным свойствам.

2.1.6.2.1. В материале использовано **первое, основное** значение слова: **«СВАСТИКА. 1. Культовый знак ряда древних религий в виде креста с загнутыми под прямым углом концами»**, как следует из актуального авторитетного источника - академического «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А.Кузнецова (БТС, 1154). Ср. также данные других источников, например: «Свастика (санскр.), крест с загнутыми под прямым углом (реже дугой) концами. Возможно, древний символ плодородия, солнца, скрещенных молний, молота Тора и т.п. Как орнаментальный мотив, встречается в искусстве древних культур, а также в античном, европейском средневековом и народном искусстве» (БЭС, 1066). Это значение приводится как основное в 10 привлеченных словарях различных периодов и разного типа, как энциклопедических, так и лингвистических толковых и аспектных, то есть исходный, основной характер этого значения подтверждается не только качественными свойствами, но и количественными данными. Рассмотрим

три вышеуказанных признака этого значения.

/а/ По первому признаку, сфере употребления оно носит достаточно общий характер: связано с культурой, включая народное искусство, с религией, в том числе православием, с отечественной и мировой историей. Для его употребления характерна отнесенность к широким и отдаленным периодам развития человеческого общества.

/б/ По второму признаку, условиям проявления исходное значение многозначного слова отличается достаточной независимостью от контекста, не требует специальных средств реализации.

Это подтверждается в исследуемом тексте. Значение данного слова «**1. Культурный знак ряда древних религий...**» проявляется свободно и вступает в системные отношения с содержанием текста. В его смысловых блоках раскрываются системные связи основного значения – ассоциативно-деривационная (словообразовательная), синонимическая, а также используются упорядоченные словесные повторы. Смысловые блоки основного текста, представляющие исходное значение слова, подтверждаются предметным рядом – изображениями. В изобразительных компонентах материала и поясняющих надписях выявляются те же системные отношения, характерные для первого значения.

/в/ По третьему признаку, эмоционально-экспрессивным свойствам исходное значение многозначного слова определяется как эмоционально позитивное и экспрессивно не окрашенное. Эмоциональный позитив проявляется в положительных характеристиках данного значения, связанных с жизнеутверждением, благополучием, удачей.

Нейтральность, т.е. отсутствие экспрессии, представлена также системно (не используются специальные пометы, элементы толкования и контекстуальные указания на особую интенсивность проявления смысла).

Отметим, что нетекстовые компоненты материала графически не тождественны нацистской эмблеме, и между ними нет связи, кроме достаточно

условной, далеко не устойчивой частичной внешней ассоциации.

Отмеченные объективные системные свойства подкреплены авторитетными субъективно-характеризующими способами - ссылками на взаимодополняющие источники. Авторитетные мнения, то есть высказывания, содержащие информацию не о самой действительности, а о том, какой образ действительности есть у говорящего, сопутствуют доминирующему виду высказываний - информации о самой действительности, элементом которой служит факт, в данном случае газетный материал с характеристикой символа древней, старинной культуры и религии.

Итак, смысловой доминантой, определяющей общий смысл материала, является словесно-изобразительная характеристика свастики как атрибута древней, старинной культуры в широком смысле слова. Отмеченную смысловую доминанту выражает и поверхностный, и наиболее глубинный слой материала. Эта характеристика дается сквозным способом, с первых абзацев до последних, включает два изобразительных элемента. Данный смысл обеспечивает тематическую завершенность материала (см.: Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. С.21-23).

Отметим, что изображение и соответствующее ему значение **«1. Культурный знак ряда древних религий в виде креста с загнутыми под прямым углом концами»** относятся к знакам общего характера, а именно – к одному из видов знака, к символам. См. там же: «СИМВОЛИКА ...2. Совокупность каких-либо символов»; «АТТРИБУТИКА. Необходимые, существенные отличительные признаки, общие для какого-либо ряда предметов, явлений (БТС, 1185, 51). Под знаком понимается некий условный объект – чувственно воспринимаемый предмет или явление – представляющий при определенных условиях некоторое смысловое значение, которое может быть предметом, явлением, отношением, процессом или абстрактным понятием. Знак может являться копией представляемого объекта, его признаком (например, в аллегориях), символом. Символы – условные знаки, в основе кото-

рых лежат простейшие древнейшие начертания, геометрические фигуры, а также знаки, существующие у разных народов для обозначения светил, планет, звезд и стихий, обозначения человека, его жизни, смерти и пола. Также выделяют прикладные символы – условные знаки, возникшие на протяжении развития наук и искусств, для обозначения разных специальных понятий в этих отраслях знания. Символы отражают, олицетворяют, как правило, высокие абстрактные понятия, всегда такие, которые трудно кратко описать или сформулировать словами. Именно это затруднение заставляет человека идентифицировать такие понятия с каким-нибудь знаком-символом, самим по себе ничего, может быть, не значащим, но легко связываемым широкими массами именно с данными абстрактными понятиями.

Исследуемое значение в этом плане вступает в родо-видовые отношения с единицей «крест». По данным энциклопедического источника «Символы. Знаки. Эмблемы», крест – более общее понятие. Крест как знак Солнца произошел от изображения перекладин, спиц «солнечного колеса» (т. е. двух перпендикулярных друг другу диаметров круга). Крест используется как символический знак общественными и иными международными организациями. У этого более общего понятия есть ряд видовых, включая свастику – солнечный, магический знак, с древности символизирующий удачу; само слово происходит от санскритского слова «благоденствие».

2.1.6.2.2. Поскольку данное значение, использованное в материале, совмещается в смысловой структуре слова с другим значением, далее необходимо отметить специфические признаки этого последнего значения. Оно противопоставлено исходному, рассмотренному ранее значению по системе трех признаков и по отсутствию отношения к материалу. Это значение «2.В фашистской Германии: государственная эмблема, отличительный знак нацистской партии» (БТС, 1154). В другом вышеприведенном источнике, БЭС, это значение энциклопедически отделено в общей словарной статье: «...В фашистской Германии использовался как государственная эмблема, отличительный

тельный знак нацистской партии, стал символом варварства и насилия» (БЭС, 1066)

/а/ По первому признаку, сфере употребления оно относится к сфере политики и к ограниченному, недавнему периоду истории. В материале оно специально не рассматривается. Ни в одном из компонентов материала, как словесных, так и изобразительных, а также в ссылках на авторитетные источники нет характеристики фашистской эмблемы.

/б/ По второму признаку, условиям проявления второе, производное значение требует специальных контекстуальных условий. Эти условия помечены в составе словарных статей ограничительным указанием: «в фашистской Германии».

Данные условия никак не представлены в анализируемом материале: он не касается ни этого человеконенавистнического государства (1933-1945), ни современных неонацистов с их эмблемами.

/в/ По третьему признаку, эмоционально-экспрессивным свойствам данное производное значение представляет закономерно осуждаемые, чудовищные явления, чему сопутствует соответствующая экспрессия.

В исследуемом материале, посвященном совершенно иной теме, в заключительной фразе выражено естественное, нормативное негативное отношение к фашизму.

Это четкое разграничение двух значений способствует просвещению читателей, умению отделять контрастные смыслы, отмежеваться ради внимания к старинному культурному символу от недавнего, возможно, переходящего политического атрибута (См.: Моисеенко 2007, 37). Подобные оговоренные в материале различия предохраняют от недопустимого «сходства до степени смешения»- ср. ст.1 Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 г., легшего в основу ст.20.3 КоАП, где отражена... «2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символи-

ки, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения». В исследуемом материале использование символики не направлено на пропаганду идей нацизма, что подтверждается системой признаков: нормативно-содержательных, собственно-языковых, историко-языковых.

Нормативно-содержательным признаком, исключающим сходство до степени смешения, служит исчерпывающий перечень тех изображений, которые отвечают критерию демонстрации нацистской атрибутики или символики; см. этот перечень в официальном руководстве: Научно-практическое пособие по применению КоАП РФ. М.: Норма, 2006. С.646 / Под ред. зам. Председателя Верховного Суда РФ П.П.Серкова. В перечень включают шесть основных позиций: «свастику, которая была официальным символом нацистской Германии, фашистские флаги, атрибуты форменной одежды эсэсовских войск, нарукавные повязки и рунические молнии, черный мундир, который носили сотрудники фашистских спецслужб – «СС», «СД», гестапо». Исчерпывающий характер перечня определяется использованным для перечисления закрытым сочинительно-бессоюзным рядом, отсутствием указаний «и т.п., и т.д.».

Ни материал в целом, ни один его компонент не имеет отношения к позициям этого перечня.

Собственно-языковой признак, исключающий сходство до степени смешения, заключается в тематической доминанте материала – характеристике древних, старинных символов, которую выражает система смыслов.

Историко-языковой признак, взаимообусловленный с нормативно-содержательным и собственно-языковым, характеризует определенную историческую, временную отнесенность материала. Читатель, знакомясь с лексическими (словесными) указаниями на древность, старину, представляет определенную протяженную эпоху. Её представлению служат единицы, связанные системными смысловыми отношениями. Указанными системными отношениями исключается возможность воспринять текст так, будто в то

время существовала фашистская Германия и речь идет о нацизме. См. опорные в этом плане понятия: «СМЕШЕНИЕ. К Смешаться-смешиваться. 3.Соединиться с чем-либо, сочетаться (о чем-либо разнородном)» (БТС, 1217-1218); «СХОДНЫЙ 1.(с кем-чем) Имеющий общие или подобные черты; похожий, подобный» (БТС, 1296).

В силу этих системных отношений определяемые старинной традицией предметы не могут быть сходны до степени смешения с повязкой гестаповца, неонациста и тому подобной символикой или атрибутикой ни в каком отношении, включая изобразительно-символическое.

2.2.0. Для ответа на вопросы второго блока необходимо уточнить содержательную характеристику четырех текстов. Наиболее многомерен по смыслу текст Ли Хунчжи «Чжуань Фалунь» (1), основное содержание которого сгруппировано в 9 лекций (они обрамлены двумя частями предваряющего и резюмирующего характера, которые позиционно-функционально выступают соответственно как предисловие и послесловие, причем первое озаглавлено «Лунь Юй» / «О законе Будды»/, а последнее не озаглавлено). Каждая лекция членится на вопросы (их количество от 5 до 10). Текст (1) в функциональном плане типичен для научного стиля, причем совмещает признаки информативной и инструктивной установок (см.: Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.С.21). Этому способствует композиционная особенность учебно-научного текста: соразмерность частей (все лекции, кроме одной, примерно равны по объему – 30-38 стр., исключение составляет 22-страничная пятая лекция, посвященная относительно частному смысловому комплексу). Композиционная упорядоченность служит средством определенной организации содержания. И общий смысл, определяемый системой наименования вопросов в лекциях (см.: «Поле энергии», «Вливание энергии через макушку» и др.), и конкретные смысловые элементы отражают установку на познание, связанное с личностным оздоровлением, саморазвитием, в том числе нравственным. К смысловым доминантам текста (1) относится углубление и расши-

рение знаний – см.: «...Явления, невидимые и неосязаемые в нашем пространстве, но объективно существующие..., реально проявляющие себя, остаются незатронутыми из-за нехватки смелости, рассматриваются как неизвестные явления» (с.6). В этом тексте по определению и по выявленным содержательным признакам не может быть информации, касающейся преступлений против Фалуньгун.

То же относится к тексту «Фалунь Дафа в мире» (3, информационный листок), проанализированному в связи с предшествующим вопросом, входящим в первый блок, – см. с.10 и след. настоящего заключения.

2.2.1. Итак, на вопрос о том, направлены ли информационные материалы на: – разоблачение преступлений, направленных на массовое уничтожение последователей Фалуньгун в Китае по признаку их принадлежности к вере, согласно содержанию представленных материалов, необходим дифференцированный ответ.

2.2.1.1. В двух текстах (1 и 3) нет смысловых элементов, касающихся разоблачения каких бы то ни было преступлений, направленных на массовое уничтожение последователей Фалуньгун в Китае.

2.2.1.2. В двух других текстах (2 и 4) ряд содержательных элементов связан с рассматриваемым вопросом. Текст Д. Мэйтаса и Д. Килгура «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» (2) уже по заглавию нацелен на разоблачение преступлений. Этому служит система словесных средств. Она включает пять взаимосвязанных смысловых аспектов: грамматико-смысловое обоснование преступного характера представленных событий, включая субъектную перспективу высказываний; содержательные аналогии; средства конкретизации и изобразительные элементы. Грамматико-смысловое обоснование преступного характера событий заключается в подсистеме средств, показывающих серьезные нарушения законодательства, норм человечности, в частности, признания соучастников криминальной пересадки органов (« – От последователей Фалуньгун

лучше, они здоровые...вы сможете достать их? – Уверен, что смогу;.. Препарат вызывал остановку сердца», с.66, 75), а также очевидцев. Разнообразие изобличенных лиц, их мотивов (в том числе – коммерческих) соотносится в тексте с многомерностью языковой системы.

Пример содержательной аналогии, подкрепляющей сущность разоблачений, - уподобление Холокосту, включая первую недоверчивую реакцию на утверждения о нем, - ср.: «они были настолько ошеломляющими, что в них просто невозможно было поверить» (с.5). Средствами конкретизации (в разоблачении преступлений против Фалуньгун) являются фрагменты, где характеризуются определенные случаи преследований, используются родовые (гипо-гиперонимические) системные смысловые отношения и словесные единицы *жертва, пытка, изъятие органов* и т.п. (с.28 и др.). Изобразительные элементы - фотографии на с.80-82, верифицируемые комментариями, нацелены усилить смысловую достоверность словесной информации.

Указанные характеристики входят в системные отношения с выявлением природы движения Фалуньгун, которое не определяется ни как политического, ни как религиозное, а преследуется, судя по смысловым связям, из комплексных соображений, обобщающим элементы садистской, коммерческой, монофилической (борьбы с любым инакомыслием) мотивации. «Фалуньгун.... по сути, обучает медитативным упражнениям, направленным на улучшение физического и духовного состояния и укрепление организма» (2,с.24). Текст «Всемирная эстафета факела в защиту прав человека» (4, информационный листок) соотносится с предыдущим по общему смысловому наполнению, хотя ни в чем его не дублирует. Система средств в этом тексте включает два основных смысловых аспекта: обобщенное указание объекта разоблачения («разоблачение зла, какого еще не знала Земля...») и акцентирование авторитетности, многочисленности разоблачителей («350 государственных деятелей, адвокатов, врачей, религиозных деятелей и правозащитников...»).

2.2.2. По вопросу о том, направлены ли тексты на прекращение вышеуказанных преступлений мирными, ненасильственными средствами, исследование также проводится дифференцированно.

2.2.2.1. В двух текстах (1 и 3) нет смысловых элементов, касающихся преступлений, направленных на массовое уничтожение последователей Фалуньгун в Китае.

2.2.2.2. В остальных текстах (2 и 4) есть смысловые элементы, имеющие отношение к приведенному вопросу. Причем в обоих случаях направленность на прекращение преступлений передается грамматико-смысловыми отношениями обусловленности. В тексте (2) обусловливаемый компонент – прекращение преступлений. Обусловливающие компоненты разнообразны, причем все содержат смысловой аспект мирного, ненасильственного характера. Это словесные средства обобщенного характера, акцентирование внимания на информационной сфере. См. раздел «Рекомендации ... в отношении Фалуньгун»: 18) Репрессии, лишение свободы и жестокое обращение в отношении последователей Фалуньгун должны быть прекращены»; раздел «Комментарии»: «Принятие рекомендации о прекращении принудительного изъятия органов у последователей Фалуньгун означало бы признание того, что эти утверждения верны. Все остальные наши рекомендации не требуют признания истинности утверждения» (с.47). В тексте (4) прекращение названных преступлений представлено также в связи с грамматико-смысловыми отношениями обусловленности. Однако они носят более односторонний, элементарный характер: отмечается, что к прекращению могут привести переговоры. Таким образом, обусловливающим компонентом и в данном случае является единица, определяемая ненасильственным смысловым аспектом.

3. ВЫВОДЫ

Выполненный анализ дает основания для следующих обобщений.

1. В четырех исследованных текстах отсутствуют призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации; публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности; возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных или религиозных объединений или иных организаций, соединенному с насилием либо угрозой его применения.

Филологически не установлено также обоснование или оправдание подобных действий и намерений.

2. В информационных материалах филологическими методами и приемами не выявлена пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Представленный знак (проанализированный выше) не может быть определен как сходный с нацистской символикой ни вообще, ни тем более до степени смешения.

3. Представленные информационные материалы частично направлены на разоблачение преступлений, связанных с уничтожением последователей Фалуньгун в Китае, а также на прекращение этих преступлений.

Характер прекращения преступлений, к которому призывают в текстах, подчеркивается авторами информационных материалов как мирный. Этому служит такое именование соответствующих средств, в котором смысловой доминантой является указание их ненасильственного характера.

Заключение составлено на основе комплексного анализа: лексического, грамматического, стилистического, контекстологического, с опорой на актуальные нормативные словари и с применением статистических данных.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры связей с общественностью
и социальных коммуникаций Кубанского
государственного университета

 А.Л.Факторович

Подпись А.Л.Факторовича заверяю.
Секретарь

 Е.Ю.РУДЕНКО

